

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА США В 1930-е ГОДЫ: КРИЗИС ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Н.И.Егорова

Отечественная американистика прошла значительную часть пути по формированию собственного видения принципиально важной для истории внешней политики Соединенных Штатов темы изоляционизма. В плане монографических исследований больше повезло периоду 20-х годов¹, тогда как последующее десятилетие, отмеченное яркой вспышкой и закатом данного феномена, все еще рассматривается сквозь призму “пограничных” проблем: нейтралитет США, внешняя политика Ф.Рузвельта, начало второй мировой войны и др. Несмотря на отсутствие специальной монографии, посвященной изучению изоляционизма в 30-е годы, можно говорить о сложившейся трактовке проблемы, которая, до того как претендовать на научный анализ, испытала на себе сильное влияние советских пропагандистских установок, отождествлявших изоляционизм предвоенных и военных лет с реакцией и фашизмом.

Пожалуй, главная особенность традиционного подхода к феномену американского изоляционизма — акцент на неоднородности классового и политического состава идейно-политического течения изоляционизма, который имел еще один параметр — дипломатический. В нашей историографии значительно больше внимания, чем в американской, уделялось социально-экономической основе взглядов представителей демократического (либерально-радикального) крыла изоляционизма, их различиям с консервативными (“империалистическими”) изоляционистами. Это дополняло труды историков США. Но они находились вне конкуренции по степени изученности этой проблемы, в том числе на основе новейших архивных материалов. В то же время в советской историографии имелись весьма заметные расхождения в оценке сущности изоляционизма 30-х годов, масштабов его распространения и влияния на внешнюю политику администрации Ф.Рузвельта². Однако классовый подход к оценке международных отношений — при

¹ *Попова Е.И.* США: борьба по вопросам внешней политики 1919—1922 гг. М., 1966; *Манькин А.С.* Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США (1923—1929). М., 1980.

² См.: *Наджафов Д.Г.* Народ США — против войны и фашизма. М., 1969; *Он же.* Европейская политика США // Европа в международных отношениях 1917—1939. М., 1979; *Лан В.И.* США: от первой до второй мировой войны. М., 1976. С. 433—478; *Золов А.В.* Леворадикальный изоляционизм США середины 30-х годов XX века // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979; *Он же.* Американский изоляционизм и принятие закона о нейтралитете 1935 г. // Вестн. МГУ. Сер. 8: Ист. 1979. № 1; *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт: Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С. 102—223, и др.

одновременном “табу” на критику внешнеполитических концепций и практики Советского Союза – отодвигал на задний план исследование американского общественного сознания и других, не менее важных для понимания глубинных мотивов поведения США на мировой арене, факторов.

На сегодняшний день процесс либерализации исторического мышления в отечественной науке и критическое переосмысление марксистской методологии, а также пересмотр прежнего подхода к зарубежной историографии позволили пристальнее взглянуть на изоляционизм как на специфическое выражение американского национализма. В данном направлении двигаются и современные американские исследователи. Идея, что изоляционизм воплощал националистические устремления Соединенных Штатов вне Западного полушария не нова. Но рассмотрение традиционной темы в данном ключе, по-видимому, стало актуальным именно сейчас, когда подъем национализма в мире и его влияние на межгосударственные отношения вновь озадачили международное сообщество, связывавшее немало надежд с концом “холодной войны”. Недавно вышедшую монографию Д.Г.Наджафова от его прежних трудов отличает иная постановка вопроса: какова связь истории изоляционизма с интернационализацией международных отношений XX в. Проблема соотношения национального и интернационального исследуется на материале европейской политики США, заданной изоляционистским вариантом законодательства о нейтралитете³.

Кроме того, отказ от абсолютизации социально-экономических факторов при анализе внешней политики США способствовал открытию отечественными американистами новых императивов в изучении изоляционизма. Для понимания генезиса данного явления и его эволюции в качестве внешнеполитической концепции важно идеологическое измерение⁴. Что же касается американских коллег, то интерес к идеологии как существенному компоненту внешней политики (и, в частности, изоляционизма) возрождается — после засилья концепций “политических реалистов” в 60—70-е годы, абсолютизовавших принцип “национального интереса” — на новом уровне⁵. Последние работы американских исследователей и ведущаяся в настоящее время дискуссия относительно интерпретации истории внешней политики США свидетельствуют, что этот подход весьма перспективен.

Если иметь в виду нацеленность современной историографии изоляционизма, с одной стороны, на теоретическое укрупнение

³ Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935—1941. М., 1991.

⁴ В интересной работе под ред. Ю.А.Замошкина изоляционизм поставлен в контекст морально-идеологических проблем американской внешней политики (см.: Общественное сознание и внешняя политика США. М., 1987).

⁵ Hunt M.H. Ideology and U.S.Foreign Policy. New Haven; L., 1987; *Idem*. Ideology // Explaining the History of American Foreign Relations. Journal of American History. June, 1990; Perkins B. The Canvas and the Prism // Paper for International Conference on American History. Moscow, 1991. P. 13, 17, 20, 23; LaFeber W. The American Age: The United States Foreign Policy at Home and Abroad since 1750. N.Y., 1989. P. XX.

проблемы, а с другой – на выявление истоков внешнеполитического сознания и поведения американской нации, мне представляется весьма плодотворным остановиться на анализе того содержания, которое вкладывали в понятие изоляционизм в кризисные 1935–1941 гг. сами его адепты. При этом, прослеживая эволюцию взглядов ведущих изоляционистов и всего течения в целом к моменту нападения Японии на Пёрл-Харбор, я уделяю главное внимание не традиционной внутрисполитической детерминанте, а внешнеполитической. Я также пытаюсь определить наличие взаимосвязи между идеалами “американизма” и постулатами изоляционизма. Исследование темы изоляционизма с учетом идеологического параметра способствует выявлению общего и особенного во внешнеполитических моделях “изоляционизма” и “итернационализма”. Рассмотрев в данном контексте воззрения изоляционистов-политиков на взаимоотношения с Европой и концептуальные установки администрации Ф.Рузвельта, мы можем лучше представить: существовала ли реальная альтернатива националистическому курсу, который избрали Соединенные Штаты в годы подготовки и развязывания второй мировой войны?

Толчком к оживлению изоляционистских настроений в Соединенных Штатах после прихода к власти правительства демократов в 1933 г. принято считать мировой экономический кризис и политику “экономического национализма”, которой в 1933 – 1934 гг. следовал Ф.Рузвельт, прислушивавшийся к мнению изоляционистов из “мозгового треста”, в частности помощника государственного секретаря Р.Моли. В инаугурационной речи 4 марта 1933 г. президент подчеркнул, что считает приоритетной внутреннюю политику: “Хотя наши международные торговые отношения крайне важны, но в настоящее время они вторичны в сравнении с необходимостью создания основ прочной национальной экономики”⁶.

Вместе с тем обострение политической ситуации в Европе и мире было не менее мощным стимулом ренессанса традиционных внешнеполитических концепций в массовом сознании и менталитете политиков, которые еще хранили воспоминания о негативном опыте первой мировой войны. Однако, по мере роста угрозы новой войны, особенно после нападения в 1939 г. гитлеровской Германии на Польшу, одновременно происходило и нечто обратное — осознание военной опасности для Американского континента и отход от изоляционистской ортодоксии.

Таким образом, в комплексе экономических, политических, идеологических причин, усиливших по сравнению с 20-ми годами изоляционистские настроения в стране, военная угроза занимала далеко не последнее место. Вступление США в войну 7 декабря 1941 г. покончило с изоляционизмом как влиятельной политической оппозицией. Но те идеи, которые разрабатывались в расчете на будущее внешней политики США в условиях мира, пережили военные годы и проявились в спектре мнений по поводу американского глобализма в эпоху “холодной войны”.

⁶ Congressional Record. Vol. 77, Pt 1. P. 5 (Далее: CR).

Изучение публикаций дебатов конгресса США за 1933 – 1941 гг., которые широко использовались изоляционистами в качестве “собственной газеты”⁷ для пропаганды традиционных внешнеполитических принципов, с поправкой на текущие события, дает исследователю богатейший материал.

В 1933 г. конгрессменов, приобретших в предыдущие годы репутацию изоляционистов и озабоченных состоянием национальной экономики и обострением социальных проблем, особо не тревожило развитие международных событий за исключением, пожалуй, урегулирования вопроса уплаты долгов Соединенным Штатам их бывшими союзниками.

Однако уже в начале января 1934 г. сенатор У.Бора — один из лидеров прогрессистского крыла изоляционистов — счел необходимым выступить в Нью-Йорке как бывший глава (с 1924 по 1933 г.) сенатского комитета по иностранным делам с программным заявлением, в котором изложил принципы строительства внешней политики Соединенных Штатов в отношении Европы. Примечательно, что “лев из Айдахо”⁸ апеллировал лично к президенту, так как его интернационалистское прошлое пока не волновало сторонников “нового курса”. Опираясь в своих рассуждениях на “бессмертное”⁹ для изоляционистов “Прощальное обращение” Дж.Вашингтона, на высказывания Т.Джефферсона и опыт участия США в первой мировой войне, Бора поставил принципиально важную проблему: национализм и интернационализм как внешнеполитические ориентиры для Соединенных Штатов.

Сравнивая достоинства “интернационального” подхода (т.е. всесторонней вовлеченности в мировые дела и принятие полной ответственности за их развитие) и традиционного — неучастие в военно-политических союзах, невмешательство в дела европейских государств, прежде всего посредством нейтралитета в войнах, и “свобода” (“независимость”) действий Бора выступил сторонником последнего. По его мнению, Европа после окончания первой мировой войны сохранила прежнюю систему баланса сил и застарелые, специфически европейские проблемы. Это делало преждевременным переход от традиционных американских ценностей во внешней политике, доказавших свою жизнеспособность, к интернационализму. Предпринятые В.Вильсоном в годы первой мировой войны “революционные преобразования” в области внешней политики (отход от заветов отцов-основателей) потерпели поражение. Мир, несмотря на элементы взаимозависимости его частей не стал ближе к Соединенным Штатам, которые имели особую цивилизацию и иные политические концепции. “Битва против национализма, — констатировал Бора, — проиграна”¹⁰.

Толкование изоляционистом демократического крыла внешнеполитического национализма имело специфику, привнесенную не только временем (У.Бору никак нельзя упрекнуть в твердолобом догматизме), но и его политическими идеалами. Сенатор-прогрессист, считавший

⁷ New York Times. 1937. Nov. 30.

⁸ Maddox P.J. William E. Borah and American Foreign Policy. Baton Rouge, 1969. P. 216.

⁹ CR. Vol. 78, Pt 1. P. 315.

¹⁰ Ibid. P. 316.

конституционные принципы американской демократии совершенными, проецировал такие ценности, как индивидуализм, свобода личности, на сферу внешней политики. Рассмотренный с этой точки зрения принцип “свободы рук” (“свободы действий”) – сердцевина изоляционистской концепции – приобретает демократическую окраску. “Это не изоляционизм, – предвидя возражения, разъяснял оратор, – это свобода действий... В торговле и коммерции мы никогда не были изоляционистами и никогда ими не будем. В финансовых делах, к несчастью, мы никогда не были изоляционистами и никогда не будем”. Отвергая термин “местничество” для определения внешней политики США, Бора предпочел ему термин “американизм”, “который отвечал американской модели демократии”¹¹. Что означало: США не отказываются от некоторых международных обязательств (в основном в гуманитарной сфере), резервируя за собой полную свободу выбора времени и способа участия в мировых делах, особенно в кризисной ситуации.

Из выступления очевидно, что оно было продиктовано не столько осложнившейся международной обстановкой, хотя на Дальнем Востоке уже вспыхнули очаги войны, сколько озабоченностью внутриполитическими проблемами, которые требовали мобилизации всех средств и ресурсов страны. Именно этим Бора обосновывал изоляционистскую внешнеполитическую стратегию. Его выступление, предшествовавшее дебатам относительно конкретных действий администрации Ф.Рузвельта, трудно переоценить. Чутьем опытного политика Бора уловил назревавшую необходимость решения непреходящей в сфере международной политики дилеммы – национального и интернационального. Выбор сенатора был однозначен. Важно, однако, отметить, что сформулированное У.Бора кредо всех изоляционистов 30-х годов выражалось по-разному в зависимости от толкования понятия “американизм” или от политической ориентации его приверженцев, но главное – по мере нарастания угрозы войны.

В 1935 г. в разгар политических баталий в конгрессе по вопросу о членстве Соединенных Штатов в Международном суде (они были прерваны в 1932 г.), против которого активно выступали изоляционисты как правого, так и левого толка, другой лидер республиканцев-прогрессистов сенатор Х.Джонсон счел, что наступил подходящий момент, чтобы представить традиционные внешнеполитические принципы в качестве “якоря спасения”¹² для чреватого войной современного мира.

К ставшим своеобразным евангелием изоляционистов в полемике с “интернационалистами” высказываниям отцов-основателей Джонсон добавлял соображения о геополитическом факторе (защищенность США двумя океанами) и злободневную критику бездеятельности Лиги наций на фоне захватнической политики Муссолини в отношении Эфиопии, вторжения Японии в Манчжурию и других актов нарушения международного права.

¹¹ Ibid. P. 317.

¹² Ibid. Vol. 79, Pt 1. P. 488.

Изоляционистам демократического крыла не откажешь в проницательности: их оценки негативных последствий для политической стабильности в Европе Версальской системы, непрекращающегося соперничества европейских держав за выгодный баланс сил верны. Однако прогрессизм Джонсона, которого значительно сильнее беспокоила судьба 11 млн безработных в штатах, нежели ситуация на удаленном Европейском континенте, в политике оборачивался националистической близорукостью. Справедливо не видя в Лиге наций и Международном суде действенных организаций, он выносил суровый приговор интернационализму как внешнеполитической альтернативе¹³. По сравнению с изоляционизмом Боры “американизм” Джонсона, базировавшийся на идее самодостаточности Америки, был больше ориентирован на внутреннюю политику и являлся более прагматичным, нежели “мессианским” его вариантом. Ставка делалась на американские интересы “прежде всего”. Следует подчеркнуть, что формула “Америка прежде всего” (America First) и принцип “свобода действий” наводили мосты между изоляционистами демократического крыла и консервативного, представлявших единое политическое течение.

В этой связи отмечу, что в 20-е годы политическая блокировка демократических изоляционистов с антивильсонистами являлась лишь тенденцией, а эволюция всего течения к консерватизму характеризовала конец 30-х годов. Что же касается середины того десятилетия, то сближение двух сегментов изоляционизма происходило отнюдь не на консервативной основе: они поддерживали генетически связанное с популистским движением XIX в. требование масс расследовать деятельность производителей и торговцев оружием. Среди членов сенатского комитета по расследованию (1934 — 1936), возглавляемого сенатором-прогрессистом из Северной Дакоты Дж.Наем, активную роль играл представитель консервативного крыла республиканцев сенатор А.Ванденберг, который разделял точку зрения Ная и других, весьма немногочисленных представителей конгресса, полагавших, что военная промышленность не может быть частным бизнесом¹⁴.

Начавшаяся в 1934 г. кампания за расследование деятельности военных промышленников и финансистов по развязыванию первой мировой войны¹⁵ питалась антимонополистическими и антивоенными чувствами, охватившими нацию в связи с обострившимися социально-экономическими противоречиями и нежеланием простых американцев быть втянутыми в новую войну за чуждые им интересы монополий.

Наследие популизма характеризовалось не только недоверчивым отношением к любой деятельности большого бизнеса, что конкретно

¹³ Ibid. P. 481, 1043.

¹⁴ Ibid. Vol. 78, Pt 11. P. 12352.

¹⁵ Американские историки и публицисты (в частности Ч.Бирд), которые ревизовали официальные концепции о причинах вступления США в первую мировую войну внесли значительный вклад в создание идейно-психологического климата, способствовавшего распространению антибизнесовских и антимилитаристских настроений (подробнее см.: Егорова Н.И. Изоляционизм 30-х годов: (Основные тенденции американской буржуазной историографии) // Американский ежегодник, 1984. М., 1984. С. 113—115; *Наджафов Д.Г.* Нейтралитет США. С. 22—25.

отражал лозунг “исключить возможность наживаться на войне”, но и свойственными мелкобуржуазному радикализму нападка на идею сильной президентской власти. Они то и сыграли на руку консервативным критикам внешней политики Ф.Рузвельта, которые, выступая против “нового курса”, говорили об угрозе диктатуры в Америке, а в области дипломатии связывали непоследовательные шаги президента по созданию антигитлеровской коалиции с желанием удовлетворить интересы международных производителей оружия и банкиров. Это служило обвинением Рузвельта во втягивании США во вторую мировую войну.

Таким образом, полярные взгляды изоляционистов соприкасались не только в области идей отцов-основателей. Однако мотивы, побуждавшие их поддерживать одни и те же лозунги, были различны, как и те социальные, экономические, этнические и религиозные корни, а равно и представления о предназначении Америки, которые питали их изоляционизм. Например, А.Ванденберг, внесший в дальнейшем коррективы в не отвечавший сути явления термин “изоляционизм”, в отличие от прогрессистов меньше всего в своих внешнеполитических взглядах исходил из потребностей социально-экономических реформ. Во время дискуссии о производстве и торговле оружием его прежде всего заботило, достаточно ли у США вооружений для национальной обороны. С этих позиций он выступал за проведение международных конференций по разоружению и против деятельности лоббистов от военной промышленности как в Соединенных Штатах, так и в Европе. Называя себя реалистом и пацифистом-практиком, Ванденберг в одной из своих статей 1934 г. писал: “Я верю в достаточную национальную оборону, поскольку полагаю, что наш идеализм, неразделяемый другими государствами, становится опасным и что бессильный дядя Сэм лишится своего решающего влияния в рискованных отношениях с остальными великими державами. Мы не имеем права разоружаться в вооруженном мире”¹⁶.

Нельзя не заметить, что Ванденберг рассуждает здесь “с позиций силы”, хотя до откровенной пропаганды этого подхода к внешней политике “политическими реалистами” было весьма далеко — еще не прозвучали залпы второй мировой войны и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Ванденберг представлял тех изоляционистов консервативного крыла, которые не только признавали за Соединенными Штатами право активно вмешиваться в мировые дела, но и искали для этого наиболее оптимальные пути, отстаивая прежде всего принцип “свободы действий” на международной арене. Приближавшаяся война ослабила националистическую детерминанту в мышлении этих политиков, однако не заставила от нее отказаться: они были не столько “intra”-националистами, сколько “inter”-националистами. Кроме того, в отличие от прогрессистов консерваторы находились в оппозиции и к внутривнутриполитическому курсу Ф. Рузвельта, практически с начала реформ.

¹⁶ Christian Science Monitor. 1934. May 16.

В то же время и на этом полюсе политического изоляционизма наблюдалась дифференциация в степени приверженности традиционным догмам, желания привести свои взгляды в соответствие с меняющимся миром и назревавшей угрозой войны. А.Ванденберг, баллотировавшийся в 1940 г. в качестве кандидата республиканской партии от штата Мичиган в президенты, был, несомненно, реалистичнее коллеги по партии, лидера республиканского меньшинства в палате представителей Г.Фиша, на взгляды которого значительный отпечаток наложили партийные интересы.

Широко использовавшиеся изоляционистами тезисы о грозящей Соединенным Штатам диктатуре Ф.Рузвельта, о “задней двери” (back door), через которую президент-демократ готов ввести страну в Лигу наций, а затем и вовлечь ее в новую войну, проводились в выступлениях Г.Фиша уже с весны 1933 г. Если изоляционисты-прогрессисты в 1933—1937 гг. полагали, что администрация Ф.Рузвельта следует в русле изоляционистских принципов, то Фиш в преддверии Лондонской экономической конференции расценил “новый курс” как отход от традиции не только в сфере внутренней политики, но и внешней. “Демократическая программа нового курса, касающаяся международных вопросов, очевидно, не что иное, как старый вильсоновский курс или безудержный интернационализм”, — заявлял он, противопоставляя платформу республиканской партии (1932) реформизму во внешней политике и считая ее гарантом преданности идеям невовлечения в союзы (Лигу наций), нейтралитета и “свободы действий”¹⁷.

Быстрое ухудшение международной обстановки с 1935 г. в связи с агрессией Италии в Эфиопии и активной подготовкой к войне Германии, демонстративно нарушившей Версальский договор введением всеобщей воинской повинности и ремилитаризацией Рейнской зоны (март 1935—1936 гг.), перевело превентивное обсуждение в конгрессе вопросов о принципах строительства взаимоотношений с Европой — “коллективные действия”, или “свобода рук” — в практическую плоскость.

Принятое в августе 1935 г. временное законодательство о нейтралитете (ставшее постоянным с 1937 г.) было своеобразной победой изоляционистов. Они сумели настоять на включении мандатного (по сравнению с нейтралитетом 1914 г. не делавшего различия между агрессором и его жертвой) эмбарго на продажу США оружия и свести к минимуму торговлю с воюющими сторонами¹⁸. Тем самым как бы реализовывался популярный призыв “исключить возможность наживаться на войне”, чтобы не повторить вовлечения в новую катастрофу. Однако это жесткое законодательство, в дальнейшем дополненное другими статьями и распространенное на гражданскую войну в Испании, вопреки протестам того же Ная и некоторых других изоляционистов демократического крыла, имело обратный эффект. Основанное на стремлении изоляционистов сохранить “свободу действий” в кардинальных вопросах войны и мира, модифицированное законодательство о нейтралитете

¹⁷ CR. Vol. 77, Pt 2. P. 1690, 1697; Vol. 78, Pt 4. P. 3662; Vol. 77, Pt 6. P. 5645, 5646.

¹⁸ Ibid. Vol. 79, Pt 13. P. 13795, 13796; см. также: *Наджафов Д.Г.* Нейтралитет США. С. 28—42.

вступало в противоречие с международными представлениями о правах и обязанностях нейтрала и заранее обрекало США на попустительство агрессии.

Наметившийся в Европе из-за бездеятельности Лиги наций в период итало-эфиопского конфликта и в связи с активизацией двусторонних контактов Англии и Франции с гитлеровской Германией курс на “умиротворение” агрессоров был дополнен “нейтралитетом” США, действовавшим вопреки недовольству его творцов Лигой и их симпатиям к жертвам агрессии в том же направлении.

Изоляционисты всех оттенков упорно не желали отказаться от аналогий с первой мировой войной и увидеть в фашизме качественно новую угрозу как демократическим институтам, так и национальной безопасности самих США. Они рассматривали предпосылки войны в Европе по знакомой схеме конфликта между державами, поддерживавшими *status-quo* и ревизионистскими государствами, пытавшимися восстановить попорченную Версальской системой справедливость. Именно по этой причине У.Бора призывал воздержаться от конфликта с Германией в связи с вступлением ее войск в Рейнскую зону. Даже после 1939 г., когда нацизм обнажил свою антидемократическую сущность, начав политику агрессии и геноцида против народов Западной Европы, изоляционисты определяли войну только как империалистическую по целям. Строгий нейтралитет, призванный демонстрировать тщетность расчетов потенциальных противников на посылку армий, денег и вооружений из США, казался изоляционистам не провоцирующей, а “сдерживающей” агрессора силой¹⁹.

Таким образом, в условиях растущей военной опасности размышления о преимуществах национального и интернационального подходов к внешней политике свелась к тому, как избежать вовлечения США в мировой конфликт. Изоляционист прогрессистского толка сенатор Р.Лафоллет (сын знаменитого лидера висконсинских прогрессистов Р.Лафоллета) в одном из выступлений в марте 1938 г. заявил, что в Соединенных Штатах все ненавидят войну, “но существуют значительные, преимущественно разумные расхождения относительно того, с помощью каких средств американцы достигнут общей цели”²⁰.

Принципиальный водораздел проходил, естественно, между сторонниками коллективных действий в решении вопросов войны и мира и приверженцами строгого мандатного законодательства о нейтралитете, недооценивавших угрозу фашизма мировой цивилизации и национальной безопасности США. Среди последних не было согласия прежде всего в оценке приоритетности внутренней политики по отношению к мировым обязательствам США. Отсюда — нюансы в декларируемых ими внешне-неполитических принципах, которые приходилось активно отстаивать от расхожих обвинений в изоляционизме (и даже в профашизме).

Президент Ф.Рузвельт, выразивший 31 августа 1935 г. сожаление по поводу негибкости статей акта о нейтралитете, чреватых вовлечением

¹⁹ CR. Vol. 80, Pt 4. P. 3739; Pt 2. P. 1406, 1407.

²⁰ CR Vol. 83, Pt 9. P. 898.

США в войну²¹, выступая в августе 1936 г. в Чотокуа дал изоляционистам весьма действенный козырь. Это первое выступление президента по внешнеполитическим вопросам, робко деклариовавшее курс “параллельности действий” с мировым сообществом в целях предотвращения войны, выдержано в изоляционистской терминологии: “Мы избегаем политических обязательств, которые, возможно, вовлекут нас в чужие войны; также избегаем быть втянутыми в политическую деятельность Лиги наций, но я рад сказать, что мы совершенно искренне сотрудничаем в социальной и гуманитарной сфере в Женеве... Мы не изоляционисты, — заявил далее президент, — мы лишь стремимся полностью изолировать себя от войны”²².

Эта фраза стала популярной в обострявшейся полемике между изоляционистами и “интернационалистами”, которые отстаивали дискреционное законодательство о нейтралитете, а после начала войны в Европе — политику “помощи союзникам, не доходящую до войны”. Для изоляционистов речь Рузвельта в Чотокуа оказалась мерилom его приверженности традиционным внешнеполитическим концепциям. По их мнению, после “карантинной” речи в октябре 1937 г. (Чикаго), где была произнесена фраза о карантине против агрессора, начался поворот президента к “интернационализму”²³.

Аншлюс Австрии в марте 1938 г. и обострение ситуации в Европе в связи с территориальными притязаниями нацистской Германии к Чехословакии вновь подогрели интерес участников дебатов по внешней политике Соединенных Штатов к теории. Спустя две недели после насильственного присоединения Австрии сенатор У.Бора выступил по радио с пространным заявлением о внешнеполитическом курсе. По его оценке, поглощение Австрии Германией явилось закономерным следствием Версальского договора, породившего слабое государство, которое изначально не могло существовать самостоятельно²⁴, т.е. Бора опять повторил изоляционистские тезисы о порочности Версальской системы и политике баланса сил как причинах напряженности в Европе.

Критикуемая этим сенатором политика “умиротворения” Англии и Франции, достигшая через несколько месяцев кульминации в Мюнхене, только укрепляла его, равно как и других изоляционистов, в мысли, что демократические и тоталитарные государства Европы имели общие империалистические цели. Бора продолжал твердо придерживаться мнения, что национальный эгоизм — движущая сила политики, поэтому дело спасения демократии через союзы и коллективные действия может быть в любой момент предано ради национальных интересов или амбиций.

Для У.Боры, Х.Джонсона, Р.Лафоллета, как и остальных прогрессистов, гораздо большую опасность, с точки зрения выживания демократических принципов, представляла не отдаленная внешняя угроза, а внутренняя: 13 млн безработных, 40 млрд долл. национального

²¹ Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Wash., 1942. P. 7.

²² Ibid. P. 13.

²³ CR. Vol. 85, Pt 2. P. 522.

²⁴ Ibid. Vol. 83, Pt 10. P. 1218.

долга, низкий жизненный уровень трети населения США. Путь к спасению страны от угрозы фашизма и коммунизма лежал, по их мнению, в проведении внутривластных реформ, а не в расширении американского участия в мировых делах. Решительно отвергая союзы, Бора более сдержанно относился к идее международного сотрудничества, однако в целом считал ее практически не работающей²⁵.

На иных позициях стоял ярый противник “нового курса” Г. Гувер, продолжавший, как и в годы своего президентства, смотреть на мир глазами “экономического интернационалиста” и “политического изоляциониста”. В январе 1938 г. он заявил, что “такого явления как изоляция от мира на сегодняшний день уже не существует”²⁶. В отличие от других оппонентов концепции коллективной безопасности он не собирался отводить Соединенным Штатам роль стороннего наблюдателя в европейском кризисе. “Мы должны сотрудничать в любой разумной международной попытке продвинуть экономическое и социальное благосостояние мира”. Экс-президент имел в виду врачевание мировой экономической системы — усматривая причины кризиса именно в этом — через установление умеренных тарифов и отмену торговых квот в противовес мерам “нового курса”. В дипломатии он делал ставку на разоружение, примирение и арбитраж в конфликтах. “Наша страна, — резюмировал Г. Гувер, — должна принять на себя свою часть лидерства и ответственности”²⁷.

Но эту лидирующую роль он не связывал с противодействием агрессивным акциям держав “оси”, чреватым мировой войной. Выступая через две недели после аншлюса Австрии перед Советом по иностранным делам, Гувер назвал идею коллективной безопасности непродуктивной по двум причинам: во-первых, в связи с тем, что она была дискредитирована действительностью, во-вторых, в связи с тем, что она была дискредитирована деятельностью, скорее бездейтельностью, самой Лиги наций; во-вторых, возрождение этой идеи в Европе в новой форме — объединение усилий демократических государств против тоталитаризма — также, по его мнению, противоречило внешнеполитическим принципам Соединенных Штатов, которые стремились к лояльным отношениям со всеми государствами, в том числе и с диктаторскими. При этом режим личной власти Сталина, особенно после репрессий 1937 г., и нацизм Гитлера, хотя и отождествлялись изоляционистами, все же различие между “правым” и “левым” тоталитаризмом они проводили.

Кстати, изоляционисты первыми среди политиков Соединенных Штатов заявили о существовании “левого” тоталитаризма в Советском Союзе и открыто осудили репрессии Сталина. Информация о событиях в Советском Союзе дала им также повод с недоверием отнестись к советским предложениям по созданию системы коллективной безопасности с европейскими демократиями.

Однако, осознавая агрессивную природу фашизма, Гувер уповал на заботу Гитлера о престиже государства в глазах мирового общественного мнения, на моральные факторы, а не на политические действия, в том

²⁵ Ibid. P. 1219.

²⁶ CR Vol. 83, Pt 9. P. 297. App.

²⁷ Ibid. P. 238.

числе со стороны США, направленные на предотвращение войны. Следовательно, он делал ставку на укрепление мировых экономических позиций Соединенных Штатов, на их лидерство в международной системе свободного предпринимательства. Мировые политические катаклизмы как бы оставались за скобками национальных интересов сильной Америки. Гувер подвел итог своим размышлениям следующим заявлением: "...В крупных вопросах международных отношений мы должны руководствоваться лозунгом абсолютной независимости в политике и соответствующей военной готовности"²⁸.

Лидер оппозиции в палате представителей Г.Фиш, несомненно, более жесткий сторонник изоляционистских догм, считал позицию Гувера конструктивной, хотя тот критически отзывался о мандатном эмбарго. По мере роста военной опасности Фиш заметил поменял акценты в своей пропаганде традиционных американских внешнеполитических ценностей. Помимо эксплуатации на разные лады рузвельтовского тезиса об изоляции от войны, он начал высказываться в пользу миротворческих усилий США с помощью арбитража, посредничества, мирных конференций и конференций по разоружению. В отличие от Боры Фиш видел опасность для Америки не в безработице и т.п., а в пропаганде концепции коллективной безопасности коммунистами, "интернационалистами" и Лондоном. Однако более всего его продолжала волновать внешняя политика администрации Рузвельта. В 1938 г. Г.Фиш упорно обвинял президента в подготовке страны к вступлению в войну, подтверждая свои обвинения ссылками на программу строительства большого флота (ее приветствовали изоляционисты типа Гувера и Ванденберга, ориентированные на достижение США мирового лидерства), и на курс, названный "параллельность действий"²⁹.

Вопрос о "параллельности действий" Соединенных Штатов по отношению к политике Англии и Франции в период агрессии Италии в Эфиопии, гражданской войны в Испании и к другим шагам попустительства агрессорам очень интересен в плане характеристики внешней политики США накануне второй мировой войны. В том, что политика нейтралитета США и политика "невмешательства" Лиги наций отождествлялись как параллельные курсы на "умиротворение" агрессоров было рациональное зерно, и это подтвердил Мюнхен. Но Г.Фиш и другие изоляционисты, обрушившиеся на администрацию в начале 1938 г. с критикой по поводу увеличения флота США, ибо усматривали в этом признаки союзнических отношений с Великобританией, толковали политику Ф.Рузвельта иначе.

В невозможности осуществить принцип "свободы действий" (США втягивались в конфликт помимо своего желания) изоляционисты видели целенаправленное движение к коллективной безопасности. На мой взгляд, возобладавшая в 50-е годы в трактовке внешней политики Франклина Рузвельта официальная концепция последовательно "интернационалистского" курса на предотвращение войны в немалой степени

²⁸ Ibid. Pt 10. P. 1530. App.

²⁹ Ibid. P. 1858; Pt 4. P. 3348, 3673; Pt 11, P. 2776, 2777. App.

впитала в себя изоляционистские мифы³⁰. В настоящее время американские историки, напротив, подчеркивают, что администрация Рузвельта была склонна к “независимости (“односторонности”) действий” вплоть до падения Франции в июне 1940 г.³¹ Некоторые исследователи рассматривают “параллельность действий” как сознательное нежелание правительства Соединенных Штатов брать на себя инициативу там, где по их мнению, требовалось активное вмешательство заинтересованных европейских держав — прежде всего Англии и Франции, — предпочитавших “умиротворение”³².

Государственному секретарю К.Хэллу, за которым укрепилась репутация “интернационалиста”, пришлось не один раз разъяснять суть официального внешнеполитического курса США в ответ на запросы конгрессменов, а также на критику изоляционистов. К началу 1938 г. правительство все еще не определилось относительно тактики, предложенной государственным департаментом, в первую очередь Хэллом, летом и осенью 1937 г.³³ Однако, государственный секретарь считал возможным представить разработки своего ведомства как внешнеполитическую концепцию администрации — почти в одних и тех же выражениях — и на встречах со 150 членами конгресса, и в февральских письмах 1938 г. сенаторам К.Питтмэну и Л.Ладлоу (известному в связи с кампанией за проведение референдума по вопросу объявления войны).

Официальная линия представляла собой поиск компромисса между двумя реально существовавшими перспективами: либо следовать традиционным, в чем-то становившимися тормозом, принципам, либо реализовывать в сложных международных условиях через всесторонние интернациональные связи идею коллективной безопасности. “Средний курс” в изложении К.Хэлла выглядел следующим образом: правительство “тщательно избегает, с одной стороны, крайностей интернационализма с его политическими союзами и, с другой стороны, крайностей изоляционизма с его тенденцией заставить другие народы поверить, что американское государство более или менее напугано”³⁴. Администрация не скрывала, что ее волнует престиж и степень влияния Америки в международных делах. Поэтому, хотя правительство и оперировало изоляционистским постулатом о неприятии союзов, это не мешало ему признать общность интересов с европейскими государствами и необходимость сотрудничать в усилиях по сохранению мира. Под понятием “сотрудничество” (помимо обмена информацией) подразумевалось, “где это практически возможно продолжать

³⁰ *Rauch B.* Roosevelt from Munich to Pearl Harbor: A Study in Creation of a Foreign Policy. N.Y., 1950; *Fies H.* The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1950; *Langer W., Gleason E.* The Challenge to Isolation, 1937—1940. N.Y., etc. 1952; *Idem.* The Undeclared War, 1940—1941. N.Y., 1953; *Isolation and Security* / Ed. by A.DeConde. Durham (N.C.), 1957.

³¹ *Rock W.R.* Chamberlain and Roosevelt: British Foreign Policy and the United States, 1937—1940. Columbus (Ohio), 1966. P. 16, 21.

³² *Kimball W.F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (N.J.), 1991. P. 11, 12.

³³ State Department Press Releases. 1937. Aug. 28. P. 166—167.

³⁴ CR. Vol. 83, Pt 9. P. 587. App.

действовать параллельно, но всегда сохранять абсолютную свободу суждений и право независимости действий”³⁵.

Таким образом “параллельность действий” основывалась на принципе “свободы рук”, объединявшем в 30-е годы весь политический спектр изоляционистов. Кроме того, изоляционистскую окраску официальной политике придавала и нацеленность на миротворческую миссию США в европейских противоречиях, среди активных исполнителей которой были политики, стоявшие на националистических позициях.

Например, Г.Фиша и других изоляционистов крайне вдохновило назначение А.Бэли — одного из членов рузвельтовского “мозгового треста”, известного изоляционистскими взглядами, — в феврале 1938 г. помощником государственного секретаря³⁶. Такие политики-изоляционисты, как Бэли, не только приближенные, но и друзья Ф.Рузвельта заметно влияли на процесс принятия решений. А.Бэли входил в ту половину государственного департамента, которая до начала второй мировой войны делала ставку на мирную конференцию по урегулированию конфликтной ситуации в Европе через удовлетворение территориальных притязаний Германии. Иначе, чем “умиротворением” агрессора, данный курс охарактеризовать нельзя. А.Бэли был вдохновлен перспективами Мюнхена. Он и Дж.П.Моффат, возглавлявший европейский отдел госдепартамента, писали проект обращения Рузвельта к Гитлеру, Бенешу и Чемберлену; вместе с С.Уэллесом, заместителем государственного секретаря, Бэли участвовал в подготовке проекта обращения президента к Муссолини и ответа Гитлеру 27 сентября 1938 г.³⁷ После мюнхенской конференции, работая над проектом выступления Ф.Рузвельта перед Herald Tribune Forum, намеченного на 26 октября, Бэли дал ей высокую оценку, поскольку удалось выйти из кризиса без войны. Деятельность правительства США в данном ключе он считал главной целью американской дипломатии.

Большие надежды А.Бэли возлагал и на направление агрессии гитлеровской Германии на Восток, что уменьшило бы, как казалось изоляционистам, опасность для стран Западной Европы. Гипотетическая угроза Западному полушарию существовала, по мнению этого политика, только для стран Латинской Америки, но не для США.

Записи в дневниках Бэли подтверждают, что до начала войны в Европе общая линия госдепартамента определялась скорее установками изоляционистов, взявших на вооружение идеи мирной конференции, нежели установками “интернационалистски” ориентированных политиков. Так, после захвата Гитлером Чехословакии, который был признан Соединенными Штатами, С.Уэллес, возглавлявший сторонников идеи мирных конференций, выступил с официальным заявлением по данному вопросу. Оно вызвало негативную реакцию К.Хэлла

³⁵ Эта мысль затем подчеркивалась в меморандуме Хэлла о внешней политике США от 4 марта 1938 г. (State Department Press Releases. 1938. Mar. 5. P. 288—292) и в его выступлении перед Tennessee Bar Association 3 июня 1938 г. (New York Times. 1938. June 4).

³⁶ CR. Vol. 83, Pt 2. P. 1790—1791.

³⁷ Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park. Berle Papers, Adolf A. Berle Diary 1937 — August 1939. Box 210. Memorandum Sep. 22, 1938. (Далее: FDRL).

(отдыхавшего в это время во Флориде). Последний предпочел бы больше обобщений в духе откровенных намеков на стремление Соединенных Штатов “быть мировым арбитром”³⁸.

Только после вторжения соединений вермахта в Мемель (Клайпеда) изоляционизм Бёли и нежелание ухудшать отношения с гитлеровской Германией стали постепенно уступать место мотивации возможного в будущем союза с Англией и Францией³⁹. При этом Бёли осознал надвигавшуюся глобальную опасность быстрее, чем сторонники миротворческой тактики госдепартамента, поддержанной Ф.Рузвельтом. В ежегодном послании конгрессу 4 января 1939 г. президент, “интернационалистские” симпатии которого уже вызывали опасения изоляционистов, все еще предлагал следовать в русле мирных действий, хотя и признавал, что для пресечения агрессии необходимы более решительные шаги. “Существует много способов, не доходящих до войны, но более результативных и более эффективных, чем просто слова”⁴⁰.

Дневниковая запись Бёли от 24 августа 1939 г. проливает свет на реальную цену вклада США в предотвращение войны в Европе. Критикуя предложение посла Соединенных Штатов в Лондоне Дж.Кеннеди (негибкий изоляционизм которого причинял немало хлопот в дипломатической работе) потребовать от Польши необходимых уступок Германии, Бёли ссылается на секретные протоколы к советско-германскому пакту о ненападении, подписанному 23 августа, где речь идет о разделе Польши. Из этого следует, что о секретных протоколах в госдепартаменте узнали на следующий же день. Поэтому намерение Рузвельта отправить миротворческие послания Гитлеру и Бенешу самому Бёли представлялось наивным и бессмысленным. “Тем не менее они должны быть посланы”, — продолжал он свои размышления (раскрывая далее карты президента), чтобы никто не мог обвинить США в отказе от последней отчаянной попытки сохранить мир⁴¹. Таким образом, миротворческие усилия Ф.Рузвельта накануне вступления гитлеровской Германии в Польшу были заранее обречены на провал и явились лишь демонстрацией той посреднической миссии, взятой на себя Соединенными Штатами, которая, хотя и не вызывала протеста изоляционистов, оказалась столь же неэффективной, как и продиктованная эгоистическими соображениями политика Англии и Франции.

Можно с достаточной степенью уверенности сказать, что “средний курс”, предложенный администрацией во внешней политике, обеспечивал ей свободу маневра вплоть до трагического финала в Пёрл-Харборе. В зависимости от внутривнутриполитических соображений и особенно в связи с европейским кризисом, принимавшем для Америки угрожающий характер, госдепартамент усиливал или смягчал изоляционистские или “интернационалистские” акценты в конкретной дипломатии.

³⁸ Ibid. Memorandum Mar. 22, 1939.

³⁹ Ibid. Memorandum Mar. 16, 1939.

⁴⁰ Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs. 2nd Ser. Jan. 1937—August 1939 / Ed. by D.B. Schewe. N.Y.; Toronto, 1969. Vol. 13: Jan.—Febr. 1939. P. 1503.

⁴¹ RDRL. Berle Papers. Box 210. Memorandum Aug. 24, 1939.

Неопределенность, так соответствовавшая стилю политического руководства ФДР, породила в американском обществе и политических кругах не только разнообразие в оценках официального внешнеполитического курса США, но и выдвинула на повестку дня требование занять четкую позицию⁴².

Однако последнее ясно означало движение к “интернационализму”. Тот факт, что сами адепты традиционализма вносили — в соответствии с духом времени — коррективы в толкование внешнеполитических принципов, свидетельствовал об эволюции внешнеполитического мышления. Следовательно, фактор угрозы войны действовал двояко: с одной стороны, усиливал националистическую идеологию, а с другой — ускорил процесс осознания взаимозависимости Соединенных Штатов от остального мира как его неотъемлемой части.

В политических дебатах 1939 г. изоляционисты много внимания уделяли уточнению терминологии (традиционализм, континентализм, американизм), подчеркивая, что США готовы к сотрудничеству, которое не выходило бы за рамки экономических и мирных конференций, при условии сохранения “свободы рук”, означавшей в преддверии войны прежде всего отказ в помощи любой из воюющих сторон.

В очередной статье, посвященной внешней политике, вышедшей в свет в апреле 1939 г., Г.Гувер писал: “Соединённые Штаты не могут проводить политику изоляционизма... Нас подстерегает слишком много опасностей, мы имеем слишком много интересов и мы несем огромную ответственность”. Примерно в то же время А.Ванденберг начал разрабатывать концепцию “инсуляционизма” (insulation), которую основывал главным образом на принципах геополитики (исходя из географического положения США, напоминающего ему удаленный от Европы остров), и которая получила свое окончательное оформление в 1940 г.⁴³

Вместе с тем движение изоляционистов к признанию такой реальности, как взаимозависимость мира и отступление “интернационалистски” мыслящих политиков от реализации идеи активной вовлеченности США, в мировые дела, в том числе и на платформе коллективной безопасности (“средний курс”) не привели к консенсусу по актуальным вопросам дня. Кроме основанной на традиционных постулатах — “свобода действий” и “невовлеченность” (в иностранные войны) — схожести подходов администрации и того сегмента изоляционистов, которые исходили из интересов внешней, а не внутренней политики, в их оценках агрессии Германии и позиции Соединенных Штатов в условиях европейской войны сохранялись принципиальные различия. Они-то и заставляли непримиримых изоляционистов говорить об умысле администрации втянуть страну в войну, а мировое общественное мнение не терять надежду на то, что отгородившаяся законодательством о нейтралитете Америка окажет помощь.

Уже говорилось, что изоляционисты усматривали причины мировой

⁴² CR. Vol. 84, Pt 2. P. 1503.

⁴³ Ibid. P. 1347, 2068.

войны главным образом в порочности Версальской системы, что они, исходя из правоверного толкования изоляционистских догматов о “невмешательстве” и “суверенности”, настаивали на дружественном отношении ко всем государствам Европы, занятым в конфликте, и всячески отказывались признать политику Германии как агрессию. По мере обострения ситуации в Европе это привело к противодействию изоляционистов-политиков изменению законодательства о нейтралитете (отмене эмбарго на продажу оружия), к отрицанию угрозы войны для самих Соединенных Штатов и демонстративному подчеркиванию лояльности Гитлеру и его режиму со стороны консервативного крыла изоляционистов⁴⁴. Г. Гувер, например, благоприятно отзывался о встрече с фюрером в марте 1938 г. во время путешествия по Европе⁴⁵. Г. Фиш, возглавивший в 1938 г. Национальный комитет по удержанию Америки от участия в иностранных войнах, в период своего турне по Западной Европе в августе 1939 г. встречался с Риббентропом и отправился из Германии в Осло на его личном самолете. Неудивительно, что в госдепартаменте связывали прозвучавшее затем в столице Исландии на конференции Межпарламентского союза предложение Фиша о 30-дневном перемирии сторон (ввиду назревавшей войны) с выдвигавшейся Италией идеей о новом Мюнхене. Там также опасались, что сделанные изоляционистом-конгрессменом заявления о единодушной оппозиции внешней политике Ф. Рузвельта в США могут быть всерьез восприняты в Европе, особенно в германских политических кругах, склонных принимать желаемое за действительное⁴⁶. Сам Г. Фиш, выступая в палате представителей, очень высоко оценивал свое предложение: “Возможно оно отложило бы войну и открыло путь для мирного урегулирования споров между Англией, Францией, Германией и Италией и спасло бы Польшу от вторжения”⁴⁷.

Таким образом, между изоляционистами и администрацией существовало различие в оценке посреднической миссии США. Оно состояло в том, что официальные круги, хотя и с опозданием (миссия С. Уэллеса февраль–март 1940 г.), осознали порочность политики Мюнхена. В “беседе у камелька” 29 декабря 1940 г., посвященной национальной безопасности США, когда практически уже вся Европа была завоевана Гитлером, Ф. Рузвельт признал несостоятельность сепаратных увещеваний агрессоров. “Опыт последних двух лет без сомнений доказал, что ни одна нация не может умиротворить нацистов... Мы знаем теперь, что государство может заключить мир с нацистами только ценой всеобщей капитуляции”⁴⁸. Изоляционисты, ставившие на

⁴⁴ Последнее давало администрации повод проводить параллели между изоляционистами и представителями американских фашистских организаций в политической борьбе с оппозицией внешней политики Ф. Рузвельта (см.: *Cole W.S. Franklin D. Roosevelt and the Isolationists, 1933—1945. Lincoln (Neb.) 1983. P. 484—487.*

⁴⁵ *Lochner L.P. Herbert Hoover and Germany. N.Y., 1960. P. 134.*

⁴⁶ *FDRL. Berle Papers. Box 210. Memorandum Aug. 17, 1939.*

⁴⁷ *CR. Vol. 85, Pt 2. P. 20. App.*

⁴⁸ *Development of United States Foreign Policy: Addresses and Messegues of Franklin D. Roosevelt. Wash., 1942. P. 76.*

одну доску воюющие европейские державы и готовые смириться с победой любой из сторон, до последнего не расставались с идеей договориться с фашистской Германией⁴⁹. Причем эти взгляды представляли особую опасность, когда их имели политики, призванные по роду деятельности выражать официальную позицию Вашингтона. Приобретший в США и Европе стойкую репутацию “умиротворителя” американский посол в Великобритании Дж.Кеннеди в конце 1940 г. все еще продолжал ратовать за достижение мира посредством переговоров с агрессорами, вопреки фактам полагая, что обещаниям Гитлера можно доверять⁵⁰. Но даже та часть американского общества, которая поддерживала оппозиционную деятельность известного изоляциониста, национального героя-летчика Ч.Линдберга, награжденного Гитлером железным крестом, не одобряла проектов своего кумира о достижении мира посредством “компромисса с агрессором”⁵¹.

Изоляционисты, представлявшие ранее “левое” крыло течения, к концу 1939 г. эволюционировали в сторону консервативной позиции и стали отличаться от “правых” только тем, что считали необходимым следовать традиционным принципам ради решения сугубо американских внутренних (а не внешних) проблем. Например, выступавший против “нового курса” Г.Фиш, нашел общий язык с лидером социалистов Н.Томасом на платформе неприятия изменения законодательства о нейтралитете⁵².

Республиканцы-прогрессисты пытались противостоять обвинявшим их в том, что они сторонники агрессивной политики Германии. Х.Джонсон, активно противодействуя отмене эмбарго на продажу оружия, считал свою националистическую позицию справедливой: “Мне не по вкусу все диктаторы, действующие или потенциальные, и различие между мной и некоторыми из моих коллег, особенно жаждущих помочь англичанам, состоит в том, что я не хочу помогать ни одному воюющему государству”⁵³. На практике законодательство о нейтралитете в его прежнем виде играло на руку лишь агрессору, особенно после начала войны в Европе⁵⁴.

Отчаянно сопротивлявшихся в конгрессе отмене эмбарго изоляционистов поддерживали представители аграрных штатов Среднего Запада, которые долгое время являлись социально-экономической базой идеологии прогрессизма. Программным заявлением этой части

⁴⁹ *Stenehjem M.F. An American First: John T.Flynn and the America First Committee. New Rochelle (N.Y.), 1976. P. 22.*

⁵⁰ *FDRL. President's Secretary's File, 1933—1945. Diplomatic Correspondence. Box 53. D.Fairbanks to the President. Nov. 19. 1940.*

⁵¹ *FDRL. Roosevelt Franklin D. Papers. Official File, 1933—1945. Lindbergh Charles A. Box 1.*

⁵² *CR. Vol. 86, Pt 14. P. 2293. App.*

⁵³ *Ibid. Vol. 85, Pt 2. P. 562. App.*

⁵⁴ Любопытно, что в политических баталиях по поводу отмены эмбарго на продажу оружия и изоляционисты, и Ф.Рузвельт апеллировали к такому понятию как верность традициям. 21 сентября 1939 г., обращаясь к объединенной сессии конгресса, Рузвельт сказал: “Шаг, который я предлагаю, состоит в том, чтобы вернуть эту страну на твердую почву реального и традиционного нейтралитета” (*Development of United States Foreign Policy. Addresses and Messages of Franklin D.Roosevelt. P. 51*).

изоляционистского течения можно назвать выступление бывшего губернатора штата Канзас А.Лэндона 1 ноября 1939 г. перед членами методистской церкви штата Айова. Его отличало то, что порожденные европейским кризисом вопросы нейтралитета и сохранения Америки вне войны рассматривались с точки зрения глобальной перспективы — выработки внешнеполитического курса Соединенных Штатов в послевоенном мире.

Лэндон, как и большинство изоляционистов конца 30-х годов, признавал, что мир взаимозависим, что США не могут отгородить себя от международных событий. Тем не менее кредо отцов-основателей, дополненное принципом “большой дубинки” Т.Рузвельта, он оценивал как вполне жизнеспособное для планирования стратегии на следующее десятилетие. “Мудрость отцов-основателей, — заявил он, — будет отвечать жизненным интересам нации сегодня и завтра. Политика, основанная на этой мудрости, предполагает, что мы не будем ни чрезмерными изоляционистами, ни чрезмерными интернационалистами. Мы займем достойное нас место в мире, думая о собственном бизнесе, и всегда достойно и честно будем отстаивать наши интересы”⁵⁵. Как видим, и в изоляционистской “глубинке” к концу 30-х годов приходили к мысли об интеграции традиционных элементов внешней политики в изменившийся мир и международные отношения.

Что же — в итоге эволюции — представляла собой концепция изоляционизма в 1939—1941 гг., т.е. накануне вступления США во вторую мировую войну, и насколько она согласовывалась с реальной политикой Ф.Рузвельта? Можно с полным основанием утверждать, что действиями как правительства, так и политиков-изоляционистов руководил инстинкт самосохранения нации. Однако национализм как движущая сила политики администрации Ф.Рузвельта находился в прямой зависимости от агрессии держав “оси”. После начала войны в Европе и особенно после блицкрига Гитлера в 1940 г. путь спасения США от войны стал очевиден — поддержать союзников. Но госдепартамент, перейдя к политике “помощи союзникам, не доходящей до войны”, продолжал действовать в рамках концепции “среднего курса”. Об этом К.Хэлл 25 октября 1940 г. заявил в Национальном пресс-клубе. Стержнем его речи явился анализ политики “добраго соседа”. Обратим внимание на то, что в выступлениях Ф.Рузвельта (начиная с Чотокуа и особенно после Мюнхена) высказывалась мысль об универсальности политики “добраго соседа”⁵⁶, которую обычно связывают с отношениями США и Латинской Америки. Хэлл же официально признал ее глобальный характер, проецирующий отношения с Западным полушарием на весь мир: “Основные цели политики добраго соседа, — подчеркнул он, — представляют прочный и имеющий практическое значение средний курс между крайностями интернационализма и изоляционизма или национализма. Они последовательно осуществляются повсюду”⁵⁷. Одним из главных пунктов

⁵⁵ CR. Vol. 85, Pt 2. P. 722.

⁵⁶ Addresses and Messages of Franklin D.Roosevelt. P. 12; Franklin D.Roosevelt and Foreign Affairs. 2d ser.: Jan. 1937 — Aug. 1939. N.Y.; Toronto, 1969. Vol. 11. P. 300, 302, 437, 438.

⁵⁷ CR. Vol. 86, Pt 18. P. 6511.

внешней политики США ("доброго соседа") Хэлл назвал максимальное развитие международного сотрудничества.

Оставаясь в рамках законодательства о нейтралитете, символизировавшего принцип "свободы действий", внешняя политика Соединенных Штатов все больше приобретала "интернационалистский" оттенок не только в теории, но и на практике: осуществлялись военные поставки Англии и Франции по принципу "плати и вези"; 1940—1941 гг. состоялась сделка "эсминцы за базы", были приняты закон о выборочной воинской повинности и закон о ленд-лизе; началась "необъявленная война" в Атлантике.

Что касается изоляционистов, то завоевание Германией значительной части Европы подтолкнуло их к модернизации традиционных установок (себя они все чаще — подчеркивая этим приверженность невовлечению страны в войну — называли неинтервенционистами) и к отказу от тех позиций, которые противоречили настроениям масс, желавшим помочь союзникам средствами, не доходящими до войны. Однако эти политики по-прежнему оставались в плену своего национализма, а также заблуждения насчет отсутствия у Гитлера агрессивных намерений в отношении США.

Со смертью У.Боры в 1940 г., которого коллеги называли "абсолютным изоляционистом", а Ф.Рузвельт — "великим американцем"⁵⁸, завершилась эпоха в истории изоляционизма. Возглавивший вместо него в конгрессе двухпартийную изоляционистскую оппозицию внешней политике администрации сенатор Б.Уилер символизировал новый этап эволюции данного течения. К этому времени изоляционизм окончательно утратил конструктивные элементы в своей критике бездеятельности европейских демократий по отношению к агрессору, стерлись различия в оценках "левыми" и "правыми" Мюнхена, исчез также свойственный прогрессистскому блоку акцент на внутривнутриполитической детерминанте внешней политики. "Один из феноменов 1930-х годов — превращение изоляционизма, который первоначально пестовали либералы, разочарованные последствиями 1918 г., в верование консерваторов от экономики и бизнеса", — подчеркивал американский исследователь⁵⁹.

Верх одержали сторонники идеи приспособления принципов изоляционизма к реализации глобалистской стратегии США. Эту философию даже условно трудно определить термином "изоляционизм". Возникшая в сентябре 1940 г. организация "Америка прежде всего", ставшая оплотом консервативных сил изоляционизма и мощным орудием воздействия на общественное мнение, в своей антиправительственной пропаганде своеобразно отражала модифицированные принципы изоляционизма.

К началу 1940 г. возражения изоляционистов против укрепления обороноспособности страны, основанные на том, что Рузвельт рано или поздно втянет нацию в войну, уступили место идее "Америка —

⁵⁸ Ibid. Pt 13, P. 293. App.; Time. 1940. Jan. 29.

⁵⁹ Fehrenbach T.R. F.D.R.'s Undeclared War 1939 to 1941. N.Y., 1967. P. 191—192.

крепость”, т.е., что США, имевшие достаточно вооружений, могут оставаться вне войны и наблюдать как мир скатывается в пропасть. Например, Г.Фиш не только заявил, что Ф.Рузвельт якобы ответствен за поражение Франции, так как подталкивал ее к войне обещаниями помощи, но и призвал к проведению политики “большой дубинки”, к созданию “столь мощной национальной обороны, чтобы можно было держать Европу подальше от Америки”⁶⁰.

Реализация концепции “Америка — крепость” была чревата захватническими планами в отношении европейских союзников. Так, сенатор Э. Ландин (Миннесота) предлагал использовать ситуацию — отвлечение сил Англии и Франции на борьбу с нацистской агрессией — и завладеть всеми колониями в Новом Свете под предлогом предотвращения угрозы вторжения вермахта в США через эти территории⁶¹. Г.Фиш, соглашаясь с Ч.Линдбергом в том, что необходимо создание американских военно-воздушных баз в Латинской Америке, шел еще дальше, требуя от Англии предоставить принадлежащие ей острова в Карибском бассейне для строительства там военно-воздушных и военно-морских баз США (в обмен на урегулирование вопроса о долгах)⁶².

Идея превосходящей оборонительной мощи Соединенных Штатов составила ядро “инсуляционистской” концепции А.Ванденберга европейской политики США в 1940—1941 гг. Он полагал, что термин “изоляция” не отражал реальности современного мира: высокий уровень техники делал доступной связь с любой страной. Однако, если “изоляция” окончилась, то “инсуляция” все еще оставалась. По его мнению, омывавшие берега Соединенных Штатов два океана, обеспечивали им преимущественное геополитическое положение “острова”. “Но наличия океанов не достаточно. Мы должны вооружаться, чтобы иметь оборону на всякий случай”, — уверял сенатор. Как и другие изоляционисты, Ванденберг считал, что вооруженные силы США не готовы к участию в войне в Европе. Кстати, этого кандидата в президенты от республиканской партии в избирательной кампании 1940 г., а равно и Ч.Линдберга, не волновала возможность победы Гитлера в войне. В этом он расходился с Б.Уилером и другими изоляционистами, представленными в конгрессе, которые желали победы Англии и Франции. Главное, заявлял А.Ванденберг, “выжить независимо от того, кто победит в Европе”⁶³. Концепция “инсуляционизма” была прагматичным вариантом сохранения в изменившихся условиях “работающих” принципов традиционной политики.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз послужило А.Ванденбергу катализатором в его размышлениях над соблюдением принципа двухпартийности в процессе выработки и принятия внешнеполитических решений, а также о судьбе изоляционизма. В ноябре 1941 г. он записал в дневнике, что не все, кто противостоял вступлению в войну (неинтервенционисты), являются изоляционистами. “Если бы мне

⁶⁰ CR. Vol. 86. Pt 16. P. 4186. App.

⁶¹ Ibid. Vol. 85. Pt 1. P. 411.

⁶² Ibid. Vol. 86, Pt 15. P. 3271. App.

⁶³ Ibid. Vol. 86, Pt 16. P. 2690. App.

пришлось выбирать, кем быть — изоляционистом или интернационалистом, я бы без колебаний объявил себя первым. Но мудрость и благоразумие, т.е. истина находится где-то посередине”⁶⁴.

Пёрл-Харбор положил конец существованию изоляционистской оппозиции как весомому фактору, определявшему равнодействующую приложения различных политических сил при выработке внешне-политических решений Соединенных Штатов накануне их вступления в войну. Трудно выяснить, в какой мере сам Ф.Рузвельт находился под влиянием изоляционистских настроений, охвативших почти всю нацию, конгресс и значительную часть госдепартамента. Внушительная победа Ф.Рузвельта на президентских выборах 1936 г. давала ему возможность повлиять на общественное мнение в направлении интернационализации внешней политики, однако шанс был упущен. Автор нескольких трудов о политике “умиротворения” профессор У.Рок полагает, что “без сомнения, бывали такие моменты, когда в размышлениях президента относительно проблем внешнего мира, присутствовало нечто от изоляционизма и тогда ему было удобно использовать изоляционистские настроения американцев в качестве оправдания собственных колебаний...”⁶⁵. Как мы проследили, тенденция к “средней линии” между идеями изоляционизма и “интернационализма” характеризовала и официальную концепцию, и эволюцию менталитета оппонентов внешней политики Ф.Рузвельта. Из изоляционистского наследия универсальными оказались принципы “нейтралитета” и “свободы рук”. Они-то и составили идеологическую основу окрашенной националистическими тонами политики Соединенных Штатов в международных отношениях в период подготовки и развязывания второй мировой войны.

Таким образом, не только существование сильной изоляционистской оппозиции в 1935—1941 гг. сдерживало сторонников более активной политики США в отношении европейского кризиса. Сама администрация стремилась решать проблемы национальной безопасности, используя принцип “независимости” действий. Общие усилия США и европейских государств изначально были направлены лишь на “умиротворение” агрессоров, а не на предотвращение агрессии. Изоляционисты были близки к истине, когда утверждали, что политика европейских государств тоже пронизана эгоистическим национализмом, создающим почву для непостоянства и измены союзнику. Будучи “ревизионистом” в оценке причин первой мировой войны, профессор Е.М.Бочард полагал, что у “интернационализма” нет корней, что ему уготована “судьба недолгого эксперимента”⁶⁶.

Не будь мирового экономического кризиса и угрозы новой войны изоляционистская модель поведения США по отношению к Европе более естественно трансформировалась бы в интернационализм. Существовали внутренние объективные причины, сужавшие социально-экономическую базу изоляционизма (развитие промышленности, рост городов и др.), война и создание антигитлеровской коалиции лишь ускорили начавшееся,

⁶⁴ The Private Papers of Senator Vandenberg / Ed. by A.H.Vandenberg Jr. Boston, 1952. P. 15.

⁶⁵ Rock W.R. Op. cit. P. 308.

⁶⁶ CR. Vol. 85, Pt 2. P. 416. App.

до спада этого процесса в 30-е годы, формирование единой внешнеполитической тактики США для достижения мирового лидерства.

К внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов накануне вступления их во вторую мировую войну, все еще отягощенной атрибутами изоляционизма, несмотря на такие проявления интернационализма как помощь союзникам и вооруженные столкновения с военно-морскими силами Германии в Атлантике, вполне подходит определение, данное американскими историками для характеристики политики 20-х годов — "независимый интернационализм", или "консервативный интернационализм"⁶⁷. Последняя дефиниция, если абстрагироваться от таких фактов, как различие в подходах к нейтралитету, доставке вооружений союзниками, ленд-лизу и др., имеет много общего с разрабатываемыми тогда же Г.Гувером, А.Ванденбергом, Р.Тафтом, Г.Фишем, Б.Уилером концепциями американской внешней политики в условиях мира. В отличие от Дж.Ная, не расставшегося после 1945 г. с изоляционистскими взглядами и с этих позиций критиковавшего "доктрину Трумэна", "план Маршалла", создание НАТО и войну в Корее, сенаторы А.Ванденберг и Р.Тафт смогли принять участие в обосновании американской глобалистской стратегии, хотя и занимали разные позиции по поводу вступления США в военно-политический Североатлантический блок.

На уровне общественного сознания американцев до сих пор сохранились проверенные временем традиционалистские стереотипы, связанные с деятельностью либерально-радикального крыла изоляционистов. Они проявились в период кризиса американского глобализма и всплеска антивоенных настроений в конце 1960-х — 1970-е годы. Это — критическое восприятие милитаризма, империалистической политики, деятельности монополий в стране и за рубежом; поддержка либеральных реформ и внимание к внутривнутриполитическим приоритетам национальной политики; опасения по поводу эрозии исполнительной власти конгресса. В этом смысле наследие изоляционизма вместе с экспансионизмом, идеей национальной "исключительности" и другими идейно-политическими константами формирует понятие преемственности внешней политики современной Америки и требует самостоятельного исследования. Практически и отечественные и зарубежные американисты имеют здесь равные стартовые возможности.

⁶⁷ Schulzinger R.D. American Diplomacy in the Twentieth Century. N.Y.; Oxford, 1984. P. 126, 131.